

ключекъ русскихъ эпико-историческихъ воспоминаній и сложилась «старая (XV вѣка) Новгородская былина о походѣ новгородскаго князя изъ варяговъ, мурманъ, руссовъ на Сурожъ и вообще на Тавриду»¹⁾. XV-й вѣкъ подсказанъ, разумѣется, хронологическимъ приуроченіемъ Торжественника, сохранившаго намъ житіе и чудо св. Стефана. Надо полагать, что его составитель, XV вѣка, намѣренно поддѣлался подъ старину, приурочивъ чудо надъ Бравлиномъ къ храму св. Софїи, гдѣ покоились останки св. Стефана: въ 1327 году храмъ былъ уже разоренъ татарами²⁾; новгородцы, торговавшіе съ Сурожемъ, интересовавшіеся житіемъ св. Стефана, должны были-бы это знать. Вѣроятнѣе предположеніе, что у перескащика или составителя было подъ руками болѣе древнее, мѣстное чудо. Таково было мнѣніе Васильевского.

Проф. Халанскій увлекся эпическими компиляціями позднихъ хронографовъ, пристроившихъ къ императору Михаилу и походъ Олега и Сурожское чудо съ Бравлиномъ, и пришелъ къ отождествленію того и другого. Но чудо въ текстѣ Торжественника не даетъ повода къ рѣшеніямъ, а лишь ставитъ вопросы.

Свое сближеніе: Олегъ = Мравлинъ авторъ старается подкрѣпить и еще однимъ аргументомъ³⁾. Слѣв. Helgi дало русск. Ольгъ, Олегъ (сл. единъ—одинъ и др.), но мы можемъ предположить и другое отраженіе: *Ельгъ. Извѣстно въ славянскихъ языкахъ широко распространенное употребленіе звательнаго падежа въ значеніи именительнаго; въ этомъ смыслѣ Потребня могъ назвать звательный падежъ вторымъ прямымъ. Рядомъ съ Ольгъ, *Ельгъ могли существовать формы: Ольге, *Ельге; съ переходомъ г въ ј: Олье, *Елье и далѣе, въ силу звукового закона, дѣйствовавшаго въ юго-западныхъ и западныхъ говорахъ русскаго языка уже съ XI—XIII вѣковъ — Олья, Волья,

1) I. с. Авг. стр. 314, 316—7.

2) Васильевскій I. с. Июнь, 430.

3) I. с. Авг. стр. 321 слѣд., 337 слѣд.